DOI: 10.31079/1992-2868-2021-18-2-162-165

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИЙ ВЗГЛЯД НА ЧЕЛОВЕКА В «ПОЗИТИВНОМ УЧЕНИИ» АРХИЕПИСКОПА НИКАНОРА И «ВСЕОБЩЕМ ЗНАНИИ» ХУН И

Хань Юй

Проводится сравнение философских подходов к проблеме человека видного православного философа XIX в. архиепископа Никанора (А.И. Бровковича) и китайского учёного начала XX в. буддийского монаха Хун И. Выявлено их стремление сочетать приверженность традиционным ценностным установкам и идеалам с заимствованием ряда положений западно-европейской философии. Показана принципиальная возможность сопоставления духовных и интеллектуальных феноменов русской и китайской культуры.

Ключевые слова: теизм, философская антропология, духовные академии, «позитивное учение», моральное сознание, универсализм, буддизм.

RELIGIOUS AND PHILOSOPHICAL LOOK AT THE MAN IN THE "POSITIVE TEACHING" OF ARCHBISHOP NICANOR AND THE "UNIVERSAL KNOWLEDGE" OF HUN YI

Han Yu

The author compares the philosophical approaches to the human problem of the prominent Orthodox philosopher of the XIX century, Archbishop Nikanor (A.I. Brovkovich), and the Chinese scholar of the Buddhist monk of the early XX century, Hong Yi. Their desire to combine adherence to traditional values and ideals with borrowing a number of provisions of Western European philosophy is revealed. The article shows the fundamental possibility of comparing the spiritual and intellectual phenomena of Russian and Chinese culture.

Keywords: theism, philosophical anthropology, spiritual academies, "positive teaching", moral consciousness, universalism, Buddhism

В истории русской религиозной философии достойное место занимает православный духовно-академический теизм, который придерживался догматических положений русского официального православия, но, вместе с тем, реально развивал философскую теорию и, в частности, метафизику в её строгосистемном виде. Духовно-академическая философия представляла собой целую корпорацию нескольких десятков учёных-преподавателей, студентов, готовивших кандидатские сочинения, по своему профессиональному уровню не уступавших многим уже маститым философам. Эта научно-философская среда была по-настоящему увлечена философией, её творческие интересы, несомненно, направляли русскую интеллектуальную культуру в сторону идеалистической философии европейских университетов. Поэтому вполне естественным и закономерным явился факт обращения властей именно к преподавателям духовных академий восстановить полноценную философскую жизнь в российских университетах, которая была на время прервана императором Николаем I в 1850 г. из-за опасения радикализации политических настроений среди университетского студенчества по причине усвоения якобы революционного гегельянства.

Спустя 13 лет это решение было пересмотрено, философия была восстановлена в университетах во всех своих правах, но уже трудно было найти соответствующего уровня преподавателей. Такие обнаружили как раз в духовных академиях, на которые не распространялись ограничения в области преподавания философии. Поэтому оттуда были направлены преподаватели, часто священники, ранее учившиеся или работавшие в академиях, – Ф.Ф. Сидонский, П.Д. Юркевич, М.М. Троицкий и др. Но православные философы-теисты столкнулись с очень низким уровнем философской подготовки студентов, молодёжи в пору 60-х гг. XIX в., когда призыв к отвлечённым рассуждениям, метафизическим штудиям большинством студентов рассматривался крайне негативно. Отчасти в этом было виновато и само царское правительство, ведь оно целенаправленно изгоняло в николаевскую эпоху философию из высшей школы, что в конечном счёте и привело к таким последствиям. Но внутри духовного сословия были выдающиеся администраторы, просветители, которые полагали, что снижение радикализации молодёжи реально осуществить через возрождение высокой интеллектуальной культуры, в том числе восстановление

Хань Юй – старший преподаватель Института педагогики Хэбэйского северного университета (КНР).

Han Yu – Senior Lecturer, Institute of Pedagogy at Hebei Northern University (PRC).

E-mail: 422176149@qq.com

© Хань Юй, 2021

традиции философского мирозерцания, метафизического поиска. Эти православные мыслители и практики полагали, что после эпохи гегельянства, с которым так жёстко боролась царская администрация, но в рамках которого требовалось максимальное напряжение ума, серьёзное интеллектуальное усилие, наступает эпоха позитивизма и вульгарного материализма, что свидетельствует о кризисе классического философского дискурса. Отстоять классические традиции философствования как раз и было призвано «позитивное учение» ректора Казанской духовной академии, а затем епископа Уфимского и Аксайского и архиепископа Одесского и Таврического Никанора (в миру – Александра Ивановича Бровковича) (1826–1890). Биограф и исследователь наследия арх. Никанора, представитель казанской духовно-академической школы Н. Беляев так риторически выражает обеспокоенность арх. Никанора в его «Беседах и поучениях» [9: с. 311] относительно места философии и психологии в системе российского образования того времени: «...Непонятно же, почему из программы исключено преподавание именно философии? И не только философии, но и психологии? Как образованный человек может о чём-то писать, за исключением частных специальностей, как можно изучать словесность, логику и разные отрасли Закона Божия, не имея никаких психологических понятий? Как можно понимать современные философские направления, большей частью совершенно разрушительные, как бороться с ними, как установиться между ними, не имея ни малейшего разума в истории философии? Как юноше отстоять своё наследованное от отцов мирозерцание, на котором зиждется наследованный от отцов строй, – мирозерцание, которое расшатывают со всех сторон постоянные ветры различных учений, когда он и не слышал, что такое философия истории?» [1: с. 146].

Интересно то, что многочисленные философские суждения арх. Никанора буквально «рассыпаны» во многих его проповедях, заметках, хотя основным источником его религиозной метафизики и философской антропологии остаётся его «Позитивная философия и сверхчувственное бытие». Этот труд насчитывает три тома, и он, работая над книгой, сам развивал своё философское сознание, что требовало немало усилий, но зато полученный результат сделал арх. Никанора одним из выдающихся русских мыслителей. Как писал по этому поводу тот же казанский автор Н. Беляев, «...работа над позитивной философией – это психологическая история развития самого автора, его восхождение от силы в силу» [1: с. 46]. Арх. Никанор ставил своей задачей выстроить систему православной «позитивной философии» как альтернативу западному позитивизму и примитивному материализму. Провозглашённый им метод построения своей по-

зитивной философии предполагает использование новейших методов естественных и психологических наук. Его философская антропология соответственно должна использовать «багаж» научных открытий, касающихся душевной, духовной и физиологической природы человека, т.е. философская антропология должна быть выстроена «не иначе, как современным философским, возможно-позитивным, возможно-научным методом. Иначе труд наш не имеет ни малейшего научного значения для нашего времени» [8: с. III]. Таким образом, философский взгляд на человека, его природу должен учитывать разные аспекты знания – гуманитарные, естественно-научные, психологические. Сам арх. Никанор в силу своей философской одарённости вполне был способен к такому соединению разных отраслей знания о человеке в единое «позитивное учение». В некрологе по случаю его смерти, опубликованном в «Православном собеседнике», было отмечено следующее: «Учёный иерарх входит здесь в тонкий и глубокий анализ самых разнообразных метафизических, естественно-научных и разных других вопросов, теорий, гипотез и взглядов и повсюду обнаруживает в себе не только знатока дела, о котором берётся судить, но и по истине глубокого мыслителя. Верность однажды принятому методу исследования, обширная начитанность и основательное знакомство с наиболее важными творениями корифеев современной науки и философии, выдающаяся способность уловить и ясно представить себе сущность самой замысловатой и туманной доктрины, редкое умение подметить и оттенить слабые стороны воззрений, всесторонность выяснения ненаучности одних взглядов и разумности других, сила и искренность убеждения, живость изложения придают особенную цену глубоко интересному и весьма полезному труду знаменитого иерарха – философа» [12: с. 85–86]. К слову, в целом положительное мнение о труде арх. Никанора (хотя и с рядом критических замечаний) высказывал и выдающийся русский религиозный философ Вл. Соловьёв в двух своих статьях «Несколько слов о книге епископа Никанора "Позитивная философия и сверхчувственное бытие". Т. 2. СПб., 1876» [14: с. 109–119] и «Позднее слово о преждевременном деле» [15: с. 265–292, 500–522].

Основной тезис арх. Никанора применительно к философской антропологии может быть сформулирован следующим образом: разные области знания о человеке, включая естественные науки и богословие, в конечном итоге способны создать единую картину о нём в силу общности их гносеологических оснований, и в этом смысле духовное бытие и личное бессмертие человека доказываются тем же самым методом, как и бытие материи, составляющей объект так называемой положительной науки. Если бытие материи есть бытие реальное, то, значит,

реальным является и бытие бессмертного человеческого духа. Такие аналогии между миром объективной реальности, материи и миром духовным возможны в силу того, что всё реально существующее имеет единственную причину, которая может быть выражена через идею Абсолютного Блага.

Кстати говоря, в Китае на протяжении второй половины XIX в. тоже наблюдался аналогичный процесс ослабления тех многовековых традиций философствования, которыми была богата национальная культура. В страну проникали западные умозрительные модели, которые, не имея в Китае настоящей почвы, быстро вырождались в примитивные и упрощённые схемы, отражавшие позитивистские и вульгарно-материалистические европейские образцы. Всё это также вызывало отторжение у многих образованных жителей Поднебесной, не считавших нужным полностью перенимать плохие (примитивно-схематические) примеры западного философского сознания. На наш взгляд, вполне уместно сравнивать китайскую и русскую духовную культуру XIX в. Мы считаем совершенно справедливым мнение современного историка философии С.В. Пишуна о том, что «несмотря на существенную цивилизационную автономность России и Китая, общесоциальный и культурно-ситуационный контекст в этих странах имел некоторые черты общности. Система традиционных ценностей подвергалась деформации в результате экспансии иных теоретико-социальных моделей» [11: с. 45]. Среди выдающихся китайских мыслителей, критиковавших бездумное копирование позитивистских и примитивистских формул, особо выделяется фигура буддийского монаха Хун И (1880–1942). Он не был профессиональным философом, но, как и арх. Никанор, прекрасно разбирался во многих проблемах естественных наук и вопросах, связанных с социальной философией и философской антропологией. Его философия опиралась на национальную традицию, но при этом вовсе не отвергала высоких образцов западной философской мысли. Инновационность подходов Хун И в области искусства, социологии, научного поиска отмечал его биограф Цзи Мэн (см.: [15: с. 261–263]). Он организовал обучение истории современной западной философии в буддийских колледжах, считал важным и необходимым для модернизации Китая синтез китайской и западной науки, способствовал созданию нескольких философских факультетов и организации на них кафедр метафизики, логики, психологии и этики. Исследователи особо выделяют философско-антропологические поиски Хун И, базировавшиеся на его верности принципам и положениям буддизма, что сочетается с изысканиями в области эмпирической психологии. Как и выдающийся русский церковный администратор арх. Никанор (Бровкович), монах Хун И также был одним из са-

мых знающих и квалифицированных представителей китайского буддийского менеджмента, знал, как управлять повседневными административными делами буддийской общины и организовывать различные духовные службы и религиозные церемонии в храмах. Он написал несколько философских трактатов, касающихся проблемы человека, в которых он стремился «осовременить» буддизм, согласовать его положения с фактами современного ему научного знания. Такая своеобразная религиозно-философская антропология Хун И базировалась на нескольких принципах. Во-первых, в своём трактате «Любовь» он считал важным подчеркнуть единство цели человеческой жизни, которую Хун И связывал со стремлением к добру и красоте. Человек ищет идеалы добра и красоты в мире, и этот его путь есть следствие укоренённой моральности в природе человека. Во-вторых, Хун И полагал, что в центре проблематики человека лежит соотношение эмоционального и рационально-рассудочного элементов его сознания, их соединение порождает эстетическое сознание в нас, что, в свою очередь, требует от философии как таковой опыта эстетического понимания истории и социального развития. В-третьих, своим выражением «Янчунь живет в горах» Хун И высказывал мысль о единстве человека и природы, чему он придавал опять же эстетическое измерение. Человека украшает естественное, совершенная красота в его понимании есть естественная красота. В-четвёртых, в своих антропологических поисках Хун И писал о стремлении к единству внешнего материального мира с внутренним духовным миром человека. Ещё он писал о единстве всех поколений людей. Хун И говорил о том, что типичным правилом является «Старая и молодая песня дерева-платана», т.е. человечество здесь сравнивается с деревом-платаном, в котором живут прошлые и нынешнее поколения (см.: [16: с. 181]).

Нам представляется весьма перспективным сравнение русской религиозно-философской традиции и китайской философии. Первым о возможности такого сопоставления высказался профессор Киевской духовной академии М.А. Олесницкий, который признавал наличие в китайской философии учения о свободе воли, а также тот факт, что «сущность китайской нравственности выводится из общих метафизических воззрений китайцев» [10: с. 116]. В православных духовных академиях существовал живой интерес к китайской религиозной традиции [13: с. 19–21], о китайском неоконфуцианстве писал известный православный богослов-моралист И.Л. Янышев [19: с. 120]. Известный современный российский исследователь истории китайской философии А.И. Кобзев говорил о «моральной метафизике» в китайской интеллектуальной и духовной традиции [4]. Уже упоминавшийся нами выше исследователь С.В. Пишун в одной из своих книг го-

ворил о том, что в ситуации кризиса китайское культурное сознание стремится к универсализму, что «подразумевало интеллектуальное санкционирование системы исконных социальных и этических норм» [11: с. 44]. И далее, указывает этот автор, «...конечная цель этого стремления – создание "моральной религии", промежуточная – формирование "моральной метафизики"» [11: с. 44]. Мы полагаем, что усилия Хун И по построению его собственной философской системы тоже вели его к конструированию «моральной метафизики», отличительной чертой которой должно было стать соотношение и корреляция физического и духовного, природного и нравственного начал. Человек есть существо целостное, причём эта его целостность отражает глобальную целостность самого бытия, его пронизанность различными энергиями, духовными и материальными силами. Интересны опыты Хун И по влиянию физического состояния человека на его моральное сознание. Так, он проводил на себе эксперименты с голоданием, доказывая его полезность для поддержания нравственного здоровья. Ещё привлекает к себе его «кардиогносия» или «философия сердца», сердце в его понимании содержит в себе духовные силы человека. Это чем-то напоминает религиозно-мистические поиски в статье «Сердце и его значение в духовной жизни человека, по учению слова Божия» известного православного философа-теиста П.Д. Юркевича [18: с. 69–103], который был университетским учителем В.С. Соловьёва.

Хун И, увлекаясь изобразительным искусством, тщательно изучал западное искусство масляной живописи, в 1913 г. создал курс рисования обнажённых мужских моделей (в 1914 г. под его влиянием художник Лю Хайсу создал курс рисования женского тела). Также Хун И призывал учиться играть на западных музыкальных инструментах, в 1915 г. он первым написал «Введение в типы западных музыкальных инструментов», создав прецедент в преподавании фортепианной музыки [2]. Он полагал, что средства художественного искусства, в том числе имеющие европейское происхождение, полезны тем, что способны пробудить и усилить духовное начало в человеке, делая его более нравственно целостным, добрым, сострадающим и целеустремлённым. Он также считал, что красивая и приятная музыка обладает лечебным потенциалом [3]. Примечательно, что арх. Никанор в своих «Поучениях, беседах и речах» также неоднократно говорил о важности художественного творчества, высокого искусства для развития нравственного сознания в человеке.

Таким образом, нам кажется весьма перспективным сопоставление взглядов российского философа второй половины XIX в. арх. Никанора и китайского буддийского монаха Хун И, стремившихся на основе использования достижений западной

философии, науки и искусства совершенствовать собственную культурную традицию, придать ей большую привлекательность и глубину. При этом оба мыслителя оставались традиционалистами в определении своих ценностных ориентиров, они сохраняли верность духовным основам своей цивилизации, выражая это в своих религиозно-философских трактатах, отдельных высказываниях и общественной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беляев, Н. Краткие биографические сведения о преосвященном Никаноре / Н. Беляев. – Казань, 1899 // Национальный архив Республики Татарстан. – Ф. 10. – Оп. 2. – Д. 1611. – 262 л.
2. Буддийский монах Хун И. – URL: www.gerenjianli.com/Mingren/09/c3pm7boikt.html (дата обращения 19.02.2021).
3. Вань Чэн. Буддийский монах Хун И / Вань Чэн. – Пекин : Изд-во Хуа-Чьяо, 2016. – С. 102–105.
4. Кобзев, А.И. Методология традиционной китайской философии / А.И. Кобзев // Народы Азии и Африки. – 1984. – № 7.
5. Ли Шутонг. Сердце и Дзен / Ли Шутонг. – Сиань : Изд-во Педагогического университета провинции Шэньси, 2013. – С. 59–61.
6. Никанор (Бровкович). Позитивная философия и сверхчувственное бытие. В 3 т. Т. 1 / Никанор (Бровкович). – Санкт-Петербург, 1875.
7. Никанор (Бровкович). Позитивная философия и сверхчувственное бытие. В 3 т. Т. 2 / Никанор (Бровкович). – Санкт-Петербург, 1876.
8. Никанор (Бровкович). Позитивная философия и сверхчувственное бытие: Критика на Критику чистого разума Канта. В 3 т. Т. 3 / Никанор (Бровкович). – Санкт-Петербург, 1888.
9. Никанор (Бровкович). Поучения, беседы и речи. В 5 т. Т. 4 / Никанор (Бровкович). – Одесса, 1891.
10. Олесницкий, М.А. Нравственность и нравственные учения китайцев / М.А. Олесницкий // Труды Киевской духовной академии. – 1883. – № 3.
11. Пишун, С.В. Православная персонология и духовно-академическая философия XIX века / С.В. Пишун. – Москва : Прометей, 1996. – 431 с.
12. Преосвященный Никанор (некролог) // Православный собеседник. – 1891. – Ч. 1.
13. Религиозные верования китайцев // Церковный вестник. – 1875. – № 47. – С. 19–21.
14. Соловьёв, В.С. Несколько слов о книге епископа Никанора «Позитивная философия и сверхчувственное бытие» / В.С. Соловьёв // Православное обозрение. – 1877. – Т. 1. – С. 109–119.
15. Соловьёв, В.С. Позднее слово о преждевременном деле / В.С. Соловьёв // Православное обозрение. – 1879. – Ч. 1. – С. 265–292; Ч. 3. – С. 500–522.
16. Цзи Мэн. Пересечение грусти и радости? Биография Мастера Хонги / Цзи Мэн. – Фучжоу : Образовательная пресса провинции Фуцзянь, 2010. – 298 с.
17. Хун И. Самосовершенствование китайцев / Хун И. – Шанхай : Гунжэнь, 2013. – 386 с.
18. Юркевич, П.Д. Философские произведения / П.Д. Юркевич. – Москва : Правда, 1990. – 670 с.
19. Янышев, И.Л. Православно-христианское учение о нравственности / И.Л. Янышев. – Санкт-Петербург, 1906. – XII, 462 с.